

СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ДЕНИС ЧИК

Бердянский государственный педагогический университет
Институт филологии и социальных коммуникаций
Кафедра зарубежной литературы и теории литературы
ул. Шмидта, 4, г. Бердянск, Запорожская обл., 71118, Украина
e-mail: denyschyk@ukr.net
(получено 14.06.2015; принято 17.10.2015)

Abstract

**The stereotype of the Jew in the Ukrainian and English historical novel
of the first half of the nineteenth century**

The article deals with the theme of modeling the stereotype of the Jew in Ukrainian and English historical novels of the first half of the XIX cent. It is proved that the image of the Jew in the literary texts of W. Scott, P. Kulish, Ye. Grebinka frequently represents the stereotype of a villain who intrigues and tricks trying to get on with his current or ex-offenders, and often — to deceive and destroy them. At the same time, he is a humiliated and powerless pariah in the Christian community, a man of the “lower class”, and even with the partial integration in society, this “mole sign” is constantly emphasized by the authors.

Key words

Stereotype, novel, historical fiction, the image of the Jew, imagology.

Резюме

В статье раскрывается тема моделирования стереотипа еврея в украинском и английском историческом романе первой половины XIX в. В статье доказывается, что образ еврея в художественных текстах В. Скотта, П. Кулиша, Е. Гребенки есть результатом сложившегося стереотипа злодея, который происками и уловками пытается ужиться со своими нынешними или бывшими обидчиками и часто провести их и уничтожить. В то же время он является униженным и бесправным изгоем в христианской общине, человеком «низшего сорта», и даже в условиях частичной интеграции в общество эта «родимая» примета постоянно подчеркивается авторами.

Ключевые слова

Стереотип, роман, историческая проза, образ еврея, имагология.

Стереотипы, будучи по своей природе образами ирреальными, но стойкими к изменениям, обладают исключительной способностью убеждать благодаря легкости их восприятия. Художественная литература является одним из удобных и полезных материалов исследования форм экспликации стереотипов, иллюстрацией их ментальной основы, что позволяет сквозь призму прошлых представлений увидеть степень укоренения и истоки современной перцепции.

В предоставленной статье мы хотели бы коснуться имагологического аспекта, который отражает всю сложность «еврейского вопроса» в исторических произведениях украинской литературы первой половины XIX века. Из всех литературоведческих работ, касающихся этой проблематики, самыми содержательными, по нашему мнению, являются статья Григория Грабовича *Еврейская тема в украинской литературе XIX и начала XX века*¹ и монография канадского украиниста Мирослава Шкандрия *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*² — без преувеличения заполнившая пробел в исследованиях образа еврея в украинской литературе и в то же время продемонстрировавшая перспективность и неисчерпаемость этой научной проблемы. Специфики изображения стереотипа еврея в украинской литературе первой половины XIX века касаются частично современные литературоведы, в частности, Михаил Вайскопф в монографии *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*³, Елена Кац в *Neither with Them, nor without Them: the Russian Writer and the Jew in the Age of*

¹ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 238–258.

² М. Shkandrij. *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009.

³ М. Вайскопф. *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*. Москва: Мосты культуры — Гешарим, 2008.

*Realism*⁴, Леонид Ливак в исследовании *The Jewish Persona in the European Imagination: a Case of Russian Literature*⁵ и др.

В упомянутом выше исследовании *Еврейская тема в украинской литературе XIX и начала XX века* Грабович предлагает три главные модели восприятия евреев, которые, по мнению ученого, могут служить своеобразной периодизацией «еврейской темы» в украинской литературе: стереотипная, социально-нравственная («реалистическая») и политико-этическая⁶. Ученый рассматривает особенности изображения образа еврея начиная с анализа *Истории Русов или Малой России* и заканчивая драмой *Между двух сил* Владимира Винниченко, а касательно прозы XIX века останавливается на творчестве Пантелеймона Кулиша и Ивана Франко, упомянув также повесть *Тарас Бульба* Николая Гоголя и роман *Чайковский* Евгения Гребенки.

В украинской литературе этого периода, как считает исследователь, доминирует стереотипная модель восприятия еврея: начиная с образов евреев-прислужников польской шляхты в трактате *История Русов или Малой России*, карикатурного образа Янкеля в повести *Тарас Бульба* Гоголя и образа негодяя Герцика из романа *Чайковский* Гребенки, заканчивая двумерным стереотипом Лейбы в поэме *Гайдамаки* Тараса Шевченко и евреев-доносчиков из драмы *Колли. Украинская драма с последнего польского господства на Украине* Кулиша. Впрочем, ранняя проза Кулиша в работе Грабовича не рассматривается. Дополнение этого ряда романом *Михаил Чарнишенко...* разрешит конкретизировать тип моделирования образа еврея, а сопоставление с соответствующими репрезентациями в английской литературе позволит обратить внимание на национальные особенности восприятия еврейства в обеих культурах, проследить общее и несходное в формировании этнического стереотипа восприятия евреев украинцами и англичанами, его специфику в обозначенный период, а также трансформацию качеств стереотипа в авторских интерпретациях. Другими словами, мы попробуем наряду со стереотипами, выяснить и причины, по которым евреи в Украине и Англии имели статус мецоры — в иудейской Торе человек, которого считали «прокаженным» в обществе, проклятым за свои грехи, в первую очередь — за злословие и распространение ложных слухов. Такого человека следовало изолировать по двум причинам: для того, чтобы прекратить его нездоровое влияние на общество, и для личного раскаяния⁷.

Специфику отражения этнических стереотипов в романах *Михаил Чарнишенко, или Малороссия восемьдесят лет назад* (1843) Кулиша, *Чайковский* (1843) Гребенки мы рассмотрим в компаративном аспекте, рассмотрев также исторические произведения шотландского романиста Вальтера Скотта *Ivanhoe*

⁴ E.M. Katz. *Neither with Them, nor without Them. The Russian Writer and the Jew in the Age of Realism*. Syracuse. New York: Syracuse University Press, 2008.

⁵ L. Livak. *The Jewish Persona in the European Imagination. A Case of Russian Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010.

⁶ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 241.

⁷ *Тора. Пятикнижие и Гафтарот*. Москва — Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 634.

(1820) и *The Surgeon's Daughter* (1827). До сих пор сравнительно-типологическое сопоставление этих произведений не становилось специальным предметом исследовательского внимания.

На формирование негативных этностереотипов образа евреев в коллективном сознании Англии и Украины повлияли определенные исторические факты, на которых остановимся подробнее, ведь именно они определяют и объясняют основу стереотипных моделей образов евреев в исследуемых произведениях.

В Англии первой половины XIX в. правовой статус евреев, закрепленный еще во время протектората Оливера Кромвеля (1653–1658), был, по сравнению с Украиной, достаточно высоким. Евреи, рожденные на территории королевства, считались британскими подданными с территориально неограниченным правом жительства, а их притеснения, скажем, в избирательных или профессиональных правах, были такими же, как и в отношении католиков. Впрочем, в сознании рядового англичанина образ еврея формировался под влиянием христианской традиции и народных предрассудков⁸. Такой стереотип порождал, несмотря на толерантное отношение государства, даже настоящие парламентские дебаты. В 1753 году, после принятия билля, который позволял натурализацию евреев через определенный срок пребывания в Британии, в обществе поднялось настоящее сопротивление «еврейскому закону» — настолько мощное, что билль отменили, а к законодательному расширению прав евреев английский парламент вернулся только в начале 1830-х годов.

Современные исследователи отрицают существование у украинцев XVIII – первой половины XIX в. агрессивного антисемитского стереотипа. Отчуждение между украинцами и евреями имело устойчивый характер и было основано на кардинальном различии систем ценностей: религиозное начало (евреи в сознании тогдашних украинцев — прежде всего «потомки» убийц Христа, их религия — определенно антихристианская, а потому дьявольская), образ жизни (был связан с объективными причинами — постоянными запретами заниматься сельским хозяйством и слухами о жизни в закрытых для христиан гетто), поведенческие стереотипы («хитрые евреи» всегда обманывают и предают христиан), определенное место в социально-экономическом устройстве общества (формирование сферы «еврейских» профессий — торговля, посредничество, аренда, право, банковское и таможенное дело). Соответственно, в украинском фольклоре еврей — это, как правило, негативный, реже — иронический образ с определенным набором «плохих» качеств. Виталий Нахманович констатирует, что в то время как «народом был произведен философский подход, позволяющий спокойно и объективно оценить место евреев в истории и современной жизни, обозначить сферы возможного взаимодействия, отработать модели в целом бесконфликтного сосуществования», можно заметить откровенно враждебную по сравнению с народной, интерпретацию евреев как «служителей зла» и глорификацию казацких погромов XVII–XVIII вв. в поэзии Шевченко и фольклорных

⁸ Я. Кац, *Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев. 1770–1870*. Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры, 2007, с. 20, с. 50.

и публицистических трудах Михаила Драгоманова⁹. Для объективности отметим, что в творчестве Шевченко можно проследить эволюцию от поэтического «антисемитизма» к апологии еврейства в поздний период.

Таким образом, обозначим общие стереотипные модели восприятия евреев в Украине и Англии, сложившиеся в первой половине XIX века. Согласно идее Филиппа Зимбардо и Майкла Ляйппе¹⁰, можем выделить три основных элемента такого восприятия — исторический, экономический и культурный — в представлении казаков и простолюдинов времен гетманата Хмельницкого (1648–1657) евреи, невзирая на их социальный статус, были, наряду с польской шляхтой и униатами, злейшими врагами простого населения и православной веры и потому подлежали преследованию и уничтожению. В стереотипах, которые доминировали среди английского населения, преобладает экономический фактор — еврей становится прототипом хитрого и циничного бизнесмена, который не остановится перед строгим законом (как Божьим, так и моральным и правовым) для обогащения. В Украине — это тип трактирщика или арендатора христианской церкви (показательной является характеристика еврея-арендатора церкви в *Истории Русов или Малой России*:

Жиды, яко непримиримые враги христианства, те мировые бродяги и притча в человечестве, с увлечением взялись за такое надежное для них гадкое, но прибыльное дело и немедленно ключи церковные и веревки колокольные отобрали себе в трактиры. При всякой надобности христианской должен староста идти к еврею, торговаться с ним и, по важности службы, платить за нее и выпросить ключи, а жид при том, насмеявшись вволю с богослужения христианского и обругав все, христианами почитаемое, называя его языческим, или, по-ихнему, поганским, приказывал старосте возвращать ему ключи под присягой, что ничего впрок не отправлено¹¹.

Культурная составляющая в национальных стереотипах первой половины XIX века не была весомой: культура и специфика жизни в еврейских семьях и общинах была *terra incognita* для абсолютного большинства христиан, как и знания об иудаизме.

В романе Кулиша *Михаил Чернышенко...* образ казака-выкреста — гадячского полковника Крыжановского — является едва ли не единственным прототипом реальной исторической личности. О Крыжановском упоминается в историко-политическом и отчасти публицистическом трактате *История Русов или Малой России*, одном из главных исторических источников, который использовал Кулиш и часто цитировал в романе. Неофит Антон (до перехода в христианскую веру — Моисей) Крыжановский занимался откупам и арендой в гетманской администрации, а во время подготовки к предстоящей военной кампании согласился вербовать конный полк. До ее начала он уже имел немало имений и, получив именным указом Петра III от февраля 1761 г. должность бригадира Шлезвиг-Гольштейнского, уже менее чем через год был назначен гадяцким пол-

⁹ В. Нахманович. *Евреи в украинских народных песнях третьей четверти XIX в.* [Online] <<http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/46-nakhmanovich>> (15.05.2015).

¹⁰ Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. *Социальное влияние*. Санкт-Петербург: Питер, 2000, с. 258.

¹¹ *Історія русів*. Український переклад І. Драча. Київ: Веселка, 2003, с. 114–115.

ковником. После военного переворота, даже без опеки высокого покровителя, Крыжановский оставался на этом посту как минимум еще десять лет¹².

Кулиш корректирует биографию полковника, дополняет ее «сербским» следом — чтобы связать с баном Радивоем — и романтическим ореолом демонического персонажа. Писатель завершает жизненный путь Крыжановского позорной смертью от руки мстительного Радивоя через применение характерного для романтизма литературного приема неожиданной драматической встречи, которая суммирует недоговоренные события.

Грабович обращает внимание на интерес Кулиша к украинско-еврейским отношениям, особенно в его поэме *Украина* и поздней публицистике в журнале «Основа», отмечая при этом определенную эволюцию взглядов писателя от устоявшихся стереотипов о евреях — шинкарях и осквернителях православных церквей и православного обряда в целом (поэма *Украина*, 1843 г.) или напыщенных, но одновременно запуганных доносчиков (незавершенная драма *Колиш...*, 1860 г.) к осуждению кровопролитных антиеврейских погромов во времена гайдамаков на правобережной Украине в XVIII веке в полемической статье *Рисованная гайдаматчина*¹³. Такую же эволюцию во взглядах, напомним, прошел и Шевченко.

Виктор Петров замечает, что образ полковника-выкреста является центральным в романтической интриге романа *Михаил Чарнишенко...*, ведь связан со всеми персонажами и, по мнению ученого, «берет свое начало от Исаака Вальтер-скоттовского»¹⁴. Впрочем, Исаак с *Ivanhoe* Скотта вполне противоположен типу: он — ростовщик, вынужден быть очень осторожным и хитрым, чтобы сохранить богатство, а часто — ведь бесправный — свою жизнь и жизнь близких. Его хитрость и жажда граничат с симбиотическим приспособлением к суровым реалиям жизни, во времена средневековой Англии не было благосклонности к «христубийцам». Интересно, что Скотт едва ли не впервые в английской литературной традиции конструирует образ ростовщика с сознательным выражением авторского сочувствия к судьбе еврейского народа:

(...) for, except perhaps the flying fish, there was no race existing on the earth, in the air, or the waters, who were the object of such an unintermitting, general, and relentless persecution as the Jews of this period. Upon the slightest and most unreasonable pretences, as well as upon accusations the most absurd and groundless, their persons and property were exposed to every turn of popular fury; for Norman, Saxon, Dane, and Briton, however adverse these races were to each other, contended which should look with greatest detestation upon a people, whom it was accounted a point of religion to hate, to revile, to despise, to plunder, and to persecute¹⁵.

¹² А.М. Лазаревский. *Люди старой Малороссии*. 8. *Крыжановские*. «Киевская старина» 1885, № 5, с. 12–13.

¹³ Г. Грабович. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Г. Грабович. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 246–248.

¹⁴ В. Петров. *Вальтер-Скоттівська повість з української минувшини*. [В:] В. Петров. *Розвідки*. Т. 1. Київ: Темпора, 2013, с. 278.

¹⁵ W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 69.

В то же время писатель подчеркивает, что природные настойчивость и жадность евреи успешно применяют в ростовщичестве, а также наблюдательность, трусость и изобретательность является их характерологическими чертами.

Крыжановский удачно интегрируется в украинское казацкое сообщество — для этого, как мы уже писали, он принимает христианство и постепенно эмансипируется настолько, что приобретает высокую военную должность. С одной стороны, он сознательно отказывается от идентификации со своим этносом, но с другой — продолжает выполнять распространенную и привычную социальную роль украинского еврея-арендатора. Его карьера, с точки зрения казацких законов, немислима, к тому же она резко контрастирует с еще недавним временем восстаний Хмельницкого, когда евреи в Украине были жертвами казацкого террора и принудительно выкрещивались. Впрочем, смягчения запретов относительно включения евреев в казацкий реестр происходит уже со времен гетманства Ивана Мазепы (1687–1709), когда утихают антагонистические противоречия¹⁶. Добавим, что преодоление этих противоречий подтверждает непрочность религиозного антисемитизма среди казаков. Со временем многие представители еврейских семей после принятия православия, соответствующей социальной инкорпорации, в том числе из-за родства, попали в казацкую администрацию и в будущем формировали украинскую элиту (как скажем, роды Боруховичей, Марковичей и Герциков) и даже активно приобщались к культурному развитию украинства¹⁷. Такое включение состоятельных евреев в казацкую верхушку объяснялось пониманием их сверхважной роли в кредитовании потребностей казачества. Как пишет Сергей Плохий, несмотря на устойчивые антииудейские религиозные предубеждения, старшина еще со времен Богдана Хмельницкого, как и сам гетман, привыкла пользоваться административно-финансовыми услугами евреев в управлении своими владениями и в денежных делах, что обуславливало гибкий и прагматичный подход в «еврейском вопросе»¹⁸. В конце концов, именно такое общее восприятие евреев как арендаторов и эксплуататоров способствовало устойчивости негативных стереотипов среди населения. В романе Кулиша этот стереотип нашел место в выразительно негативных оценках Крыжановского Бардаком и судьей Животовским. То, что Крыжановский — «жид», объясняет, по мнению казаков, его коварную и дьявольскую натуру, и этого не способно изменить даже его обращения в христианство¹⁹.

В образах Герцика и его матери Рохли из романа *Чайковский Гребенки* представлена идея о принципиальной неспособности евреев интегрироваться в христианское общество — этому, мол, мешают не только различия в верованиях,

¹⁶ В. Томазов. *Вони служили Україні. З історії козацьких родів єврейського походження*. «Хроніка 2000» 1998, № 21–22, с. 62.

¹⁷ М. Феллер. *Єврейсько-українські взаємини в історичній перспективі*. [В:] *Нариси з історії та культури євреїв України*. Київ: Дух і Літера, 2009, с. 241.

¹⁸ С. Плохий. *Наливайкова віра. Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні*. Київ: Критика, 2006, с. 256.

¹⁹ П.О. Куліш. *Чорна рада*. Михайло Чарнишенко. Київ: Персонал, 2008, с. 214.

но и присущие этой нации природные коварство, мстительность и лицемерие. В романе не противопоставляются украинцы и евреи, — противопоставляются их «врожденные» национальные характеры (как утверждает полковник Иван пойманному Герцику: «Ты говоришь как жид, смотришь как жид, а голову выстриг, чтоб обмануть меня»²⁰). Так, мстительность и зависть Герцика превосходят его любовь к Марине и он доносит на нее и Чайковского сечевым казакам, следуя принципу «если не мне — то никому». Кровавое возмездие руководит помыслами Рохли, которая подло отравляет больных казаков, превратившись для этого в цыганку-знахарку. Безрассудная месть за убитого мужа, отобранных у нее детей и разрушенную казацким погромом жизнь приводит к тому, что Рохля опрометчиво убивает собственного сына и сходит с ума. Показательным является и тот факт, что и в обществе разоренного еврейского городка женщина становится изгнанницей — евреи упрекают ее за якобы проданных казакам детей, а после разговора с пилигримом-евреем, и, очевидно, после его благословения, она начинает свою смертельную миссию мести православным христианам.

Оппозицию матери и брату составляет дочь и сестра — шинкарка Татьяна. Она искренне и преданно любит казака Чайковского, ради любимого готова рисковать жизнью, но, не найдя взаимности, умирает от отчаяния. Этот образ разрушает стереотипный ряд образов евреев в романе Гребенки — Герцика и его товарища-фальшивомонетчика Гершка, Рохли, эпизодических евреев.

В «придворном шуте» Герцике воплощена характерная черта стереотипа еврея — удивительная одаренность и талант к технике и искусству (умелость в ремонте техники спасает ему жизнь при первом знакомстве с будущим хозяином — полковником Иваном), которые часто объяснялись их «знакомством» с дьявольскими силами.

Близким к Татьяне из романа Кулиша является образ Ребекки из романа *Ivanhoe* Скотта. Она также полюбила христианина без взаимности. В момент раскрытия девушкой своей национальности рыцарь Айвенго меняет приязнь к ней на высокомерную прохладу — он, ревностный католик, даже предоставить себе не может возможность союза с еврейкой, которая, впрочем, также понимает свою беспомощность перед силой предубеждений:

It was not that Ivanhoe's former carriage expressed more than that general devotional homage which youth always pays to beauty; yet it was mortifying that one word should operate as a spell to remove poor Rebecca, who could not be supposed altogether ignorant of her title to such homage, into a degraded class, to whom it could not be honourably rendered²¹.

Правда, Скотт не забывает подчеркнуть «ложное» толкование евреями Священного Писания относительно богоизбранности их народа. Так, он обращает внимание на религиозные убеждения Ребекки, которая ожидает будущего дарения всех благ евреям после несчастий, выпавших на их долю. Ребекка вступает в своеобразный теологический диспут с тамплиером Буа-Гильбером и высту-

²⁰ Е. Гребінка. *Чайковський. Роман*. [В:] Е. Гребінка. *Твори*. У 3-х томах. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 282.

²¹ W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 300.

пает в нем победительницей, указав на полное несоответствие принципов его веры и устава ордена церковников преступным намерениям молодого человека:

“Stand back,” said Rebecca — “stand back, and hear me ere thou offerest to commit a sin so deadly! My strength thou mayst indeed overpower for God made women weak, and trusted their defence to man’s generosity. But I will proclaim thy villainy, Templar, from one end of Europe to the other. I will owe to the superstition of thy brethren what their compassion might refuse me, Each Preceptory — each Chapter of thy Order, shall learn, that, like a heretic, thou hast sinned with a Jewess. Those who tremble not at thy crime, will hold thee accursed for having so far dishonoured the cross thou wearest, as to follow a daughter of my people”.

“Thou art keen-witted, Jewess,” replied the Templar, well aware of the truth of what she spoke, and that the rules of his Order condemned in the most positive manner, and under high penalties, such intrigues as he now prosecuted, and that, in some instances, even degradation had followed upon it — “thou art sharp-witted,” he said; “but loud must be thy voice of complaint, if it is heard beyond the iron walls of this castle; within these, murmurs, laments, appeals to justice, and screams for help, die alike silent away. One thing only can save thee, Rebecca. Submit to thy fate — embrace our religion, and thou shalt go forth in such state, that many a Norman lady shall yield as well in pomp as in beauty to the favourite of the best lance among the defenders of the Temple”.

“Submit to my fate!” said Rebecca — “and, sacred Heaven! to what fate? — embrace thy religion! and what religion can it be that harbours such a villain? — THOU the best lance of the Templars! — Craven knight! — forsworn priest! I spit at thee, and I defy thee. — The God of Abraham’s promise hath opened an escape to his daughter — even from this abyss of infamy!”²²

Упоминания о евреях в романе Гребенки постоянно маркируются негативными коннотациями и сравнениями: «на станции жида и пол со скрипом», «заговорил со мной как с жидом», «жида и прочую мерзость били, грабили, жгли, а церковь не забывали», «жид нечистый», «Гей, хлопцы, — сказал полковник, — чуете, ли вы, пахнет неверною костью?» ‘Чуем, — отвечали молодцы, — жидом пахнет’», «много денег, как у жида», «пришел в свою поганую хату жид Борох» и др. Интересно, что перед смертью Герцик признается в том, что он еврей²³. Это единственный случай в романе, когда не употребляется слово «жид» — дань внедряемой в то время постепенной замене в светской (в том числе и литературной) речи этнонима «жид», который уже приобрел антисемитское, отчетливо негативное и оскорбительное значения, церковнославянским и библейским словом «еврей». (Как известно, искоренение традиции пользоваться этнонимом «жид» в официальных документах Российской империи началось с соответствующего указа Екатерины II в 1787 году по просьбе общины одного из белорусских штетлов²⁴). Через три года после публикации *Чайковского*, в 1846 году, Е. Гребенка публикует рассказ *Иерусалим* в коллективном сборнике *Картины русской живописи*, где представляет рассказ паломника о посещении Палестины.

²² W. Scott. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994, с. 251.

²³ Е. Гребінка. *Чайковский. Роман*. [В:] Е. Гребінка. *Твори*. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 397.

²⁴ О. Будницкий. *Евреи в Российской империи (1772–1917)*. [В:] *Западные окраины Российской империи*. Научные ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 304.

Истории главного города иудеев в этом рассказе отведено больше всего места (по концептуальному замыслу редактора издания Нестора Кукольника каждое произведение было своеобразным художественным описанием определенной картины (сборник сопровождался 12 гравюрами) — так, Гребенка «иллюстрирует» два полотна — *Иерусалим* Максима Воробьева и *Вознесение Богоматери* Карла Брюллова (рассказ *Рассказ*). Интерпретация дохристианской истории города является изображением богоборческой деятельности его жителей, которые отходят от Бога завета, игнорируют предостережения ветхозаветных пророков, и, в итоге, достигают апогея своего малодушия, отдав на муки и казнь Богочеловека. С тех пор Иерусалим становится проклятым местом, испытывает немало потрясений и уже никогда не восстановит свое прежнее величие времен Израильского и Иудейского царств. Рассеяния евреев после разрушения Иерусалимского Храма римскими войсками понимается в рассказе как осуществление пророчества Иисуса Христа об упадке города. Попытки же возродить Иерусалим так и не становятся успешными, ведь этого не хочет сам Бог: «Сколько раз человеческая рука пытается воздвигнуть свое слабое здание, столько же раз рука Божия разрушает его»²⁵.

Также и Скотт в романе *The Surgeon's Daughter* доказывает невозможность осуществления проекта интеграции «неверных» евреев в христианское общество. Такое мнение иллюстрирует образ дочери богатого португальского еврея де Монкады. Переехав в Лондон, отец входит в столичный мир, имеет связи среди влиятельных христиан. Один из них — дворянин из знатной семьи — просит руки Цилии, но не может побороть в себе чувство превосходства по сравнению с хотя и богатыми, но евреями и получает резкий отказ: «Tresham made his proposals to Moncada, perhaps in a manner which too evidently showed that he conceived the high-born Christian was degrading himself in asking an alliance with the wealthy Jew»²⁶. Впрочем, Трэшам и Цилия становятся любовниками, но их разлучают, впоследствии Цилия рождает сына, который получает имя Ричард Мидлмаз. В произведении Мидлмаз становится воплощением всех низменных черт, соблазняет невинную девушку — на этот раз христианку Мени Грей, — словно сводя счеты за честь матери. В конце концов, Ричард погибает ужасной смертью, по мнению автора, вполне заслуженно, учитывая его злодеяния.

В проанализированных произведениях украинских писателей мы не заметили актуализации стереотипного образа еврея-арендатора с «ключами от церкви», свойственного для вертепа, интермедий и религиозных школьных драм XVIII века и ранней исторической литературы начала XIX века и впоследствии развитого, по наблюдению Шкандрия, в некоторых произведениях Гоголя, Шевченко, Николая Костомарова и Кулиша²⁷. В стереотипных моделях восприятия

²⁵ Є. Гребінка. *Иерусалим*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1981, с. 450.

²⁶ W. Scott. *The Surgeon's Daughter*. [Online] <<http://www.gutenberg.org/files/6428/6428-h/6428-h.htm>> (15.05.2015).

²⁷ M. Shkandrij. *Jews in Ukrainian Literature. Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009, с. 19.

евреев в украинской и английской литературе первой половины XIX века есть общая основа, однако с определенными особенностями — в романах английских авторов преобладает образ еврея-ростовщика, который наживается на доверчивых христианах (*Ivanhoe* Скотта), в произведениях украинских писателей этот образ имеет историческую составляющую — еврей является «вечным» сообщником врагов (татар, польской шляхты, представителей имперской администрации) в борьбе против Украины, и даже те, которые принимают православную веру, всегда готовы коварно предать и убить (*Михаил Чарнишенко... Кулиша, Чайковский Гребенки*). Те же образы евреев, которые демонстрируют положительные черты, так же часто, как и образы евреев-злодеев, свидетельствуют о непонимании особенностей еврейской культуры, или же ее поверхностную и потому примитивную рецепцию. Полная интеграция евреев в христианскую культуру, как правило, отвергается авторами обеих литературных традиций (*Ivanhoe, The Surgeon's Daughter* Скотта, *Чайковский Гребенки, Михаил Чарнишенко... Кулиша*) именно из-за стереотипных глубоких разногласий на религиозной почве.

Таким образом, образ еврея в художественных текстах исторических произведений Скотта, Кулиша, Гребенки (часть текстов других авторов мы были вынуждены исключить из-за ограниченности рамками статьи) часто является прототипом злодея, который при помощи происков и уловок пытается сосуществовать со своими нынешними или бывшими обидчиками, а чаще — их обмануть и уничтожить. В то же время образ еврея — это, как правило, образ изгоя, человека «низшего сорта», лишённого прав в христианской общине. Писатели постоянно подчеркивают «врожденное проклятие» евреев, даже если герой в какой-то мере становится частью христианского «цивилизованного» общества, как это происходит, например, с кулишовским Крыжановским.

Образы же «прекрасных евреек» Ребекки и Татьяны, а также их судьбы — это демонстрация глубокой «культурно-исторической» пропасти между женщинами и их любимыми — представителями христианской культуры. Уже в более поздний период положительные образы евреев оказались слишком неправдоподобными, чтобы войти в общую парадигму изображения еврейства в литературе — в украинской литературе, как известно, такие характеры появляются только на рубеже XIX и XX веков.

Литература

- Будницкий О. *Евреи в Российской империи (1772–1917)*. [В:] *Западные окраины Российской империи*. Научные ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 301–340.
- Вайскопф М. *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*. Москва: Мосты культуры — Гешарим, 2008.
- Грабович Г. *Єврейська тема в українській літературі XIX та початку XX сторіччя*. [В:] Грабович Г. *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ: Основи, 1997, с. 238–258.
- Гребінка Є. *Єрусалим*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1981, с. 437–452.

- Гребінка Є. *Чайковский. Роман*. [В:] Є. Гребінка. *Твори*. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1981, с. 275–406.
- Зимбардо Ф., Ляйппе М. *Социальное влияние*. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
- Історія русів*. Український переклад І. Драча. Київ: Веселка, 2003.
- Кац Я. *Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев. 1770–1870*. Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры, 2007.
- Куліш П.О. *Чорна рада. Михайло Чарнишенко*. Київ: Персонал, 2008.
- Лазаревский А.М. *Люди старой Малороссии. 8. Крыжановские*. «Киевская старина» 1885. № 5, с. 7–13.
- Нахманович В. *Евреи в украинских народных песнях третьей четверти XIX в.* [Online] <<http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/46-nakhmanovich>> (15.05.2015).
- Петров В. *Вальтер-Скоттівська повість з української минушини*. [В:] В. Петров. *Розвідки*. Т. 1. Київ: Темпора, 2013, с. 272–293.
- Плохій С. *Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні*. Київ: Критика, 2006.
- Томазов В. *Вони служили Україні. З історії козацьких родів єврейського походження*. «Хроніка 2000» 1998, № 21–22, с. 62–72.
- Тора. Пятикнижие и Гафтарот*. Москва — Иерусалим: Гешарим, 1999.
- Феллер М. *Єврейсько-українські взаємини в історичній перспективі*. [В:] *Нариси з історії та культури євреїв України*. Київ: Дух і Літера, 2009, с. 232–256.
- Хорев В. *Имагология и изучение русско-польских литературных связей*. [В:] *Поляки и русские в глазах друг друга*. Отв. ред. В.А. Хорев. Москва: Индрик, 2000, с. 22–32.
- Katz E.M. *Neither with Them, nor without Them. The Russian Writer and the Jew in the Age of Realism*. Syracuse. New York: Syracuse University Press, 2008.
- Livak L. *The Jewish Persona in the European Imagination: a Case of Russian Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010.
- Scott W. *Ivanhoe*. London: Penguin Books, 1994.
- Scott W. *The Surgeon's Daughter*. [Online] <<http://www.gutenberg.org/files/6428/6428-h/6428-h.htm>> (15.05.2015).
- Shkandrij M. *Jews in Ukrainian Literature: Representation and Identity*. New Haven: Yale University Press, 2009.